

ЖУРНАЛЪ
ВЕРШАКЪ

Литературно-художественный

Н. Харитоновъ.

1915 ..

№ 6.

6 Января.

СОДЕРЖАНІЕ.

Juvenilia II	Александръ Блокъ.
Мелодія на зарѣ	Юрій Слезкинъ.
Опрошеніе	Зинаида Гишнiусъ.
Забавная Исторія	Теффи.
Гаданье	Т. Ефимова.
На елку	Анастасія Чеботаревская.
Потогонная система	Семень Ѳоминъ.
Крещенскіе волки	Съ французскаго.

ЖУРНАЛЪ
ВЕРЬЮЩЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ИСКУССТВЕННЫЙ

№ 6. 1915 г.

6 января.

Рис. П. Жилинъ.

Iuvenilia II.

Не отравляй души своей
 Всегда угрюмымъ отрицаньемъ,
 Видѣнія былыхъ скорбей
 Будь, будь—воспоминаньемъ!

Придетъ на смѣну этихъ дней
 Суровый день и вечеръ сонный,
 И будетъ легче и свѣтлѣй,
 Воспоминаньемъ окрыленный
 Когда настанетъ черный день,
 Зови, зови успокоенье,
 Будь прошедшей скорби тѣнь,—
 Она приноситъ исцѣленье!

Они разстались безъ печали,
 Забыты были счастья дни;
 Но неутѣшно тосковали,
 И снова встрѣтились они.

Надъ ними плакалъ призракъ юный
 Уже увядшей красоты;
 И эти жалобныя струны
 Будили старыя мечты.

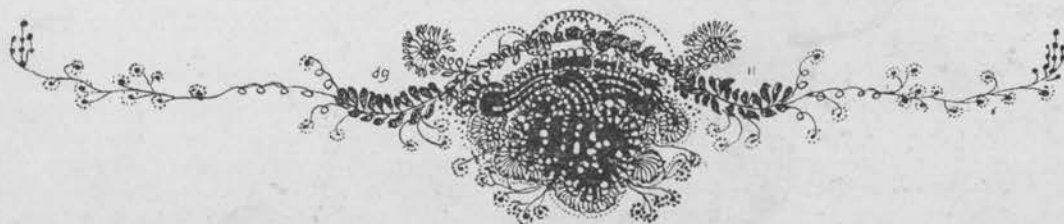
Но были новыя свиданья
 Такъ безмятежно холодны;
 Ихъ не согрѣлъ огонь желанья,
 Ни говоръ плачущей струны.

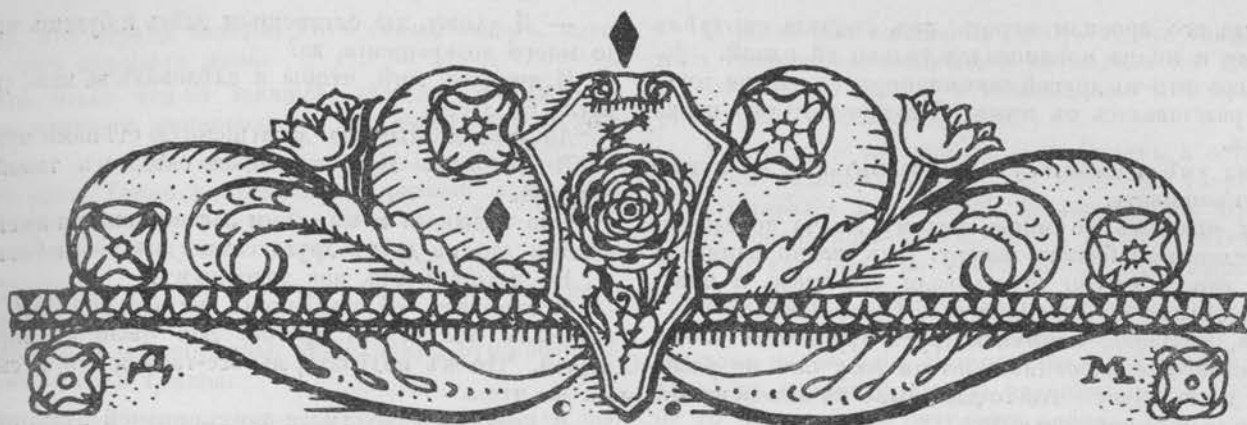
Межъ ними тайны не лежали,
 Все было пусто и мертво;
 Они въ скитаньи угасали
 И хоронили божество.

Смѣялись бѣдные невѣжды,
 Похитилъ я, молодой пѣвецъ,
 У безнадежности—надежды,
 У безконечности—конецъ.

Но пораженъ и отуманенъ
 Ума невѣдомый изгибъ.
 Я самъ своей стрѣлою раненъ.
 Пускай смѣются. Я—погибъ.

Александръ Блокъ.

МЕЛОДИЯ НА ЗАРЬ.

Здѣсь такъ хорошо, господа. Бываютъ такіе вечера, такіе тихіе осенніе вечера, когда кажется, что ты вполне счастливъ. Когда даже воспоминанія о прошломъ не томятъ, не терзаютъ сердца, не кладутъ тѣни безысходной печали на ваше лицо. Когда приятно говорить тихо и медленно за стаканомъ вина въ кругу своихъ друзей, но приятно и молчать, улыбаться себѣ въ усы, напѣвать какую-нибудь пѣсенку или вдыхать запахъ осеннихъ цвѣтовъ.

Однимъ словомъ, бываютъ часы, когда человѣкъ вполне счастливъ, когда все его радуетъ, когда онъ становится мудрымъ. Богъ мой, какъ это случается рѣдко. Мы всегда волнуемся, мы всегда недовольны, всегда куда-то спѣшимъ. И потому слѣпы, неразумны и какъ несчастны!

Но какая прелесть окружаетъ насъ, если только остановиться, если только на мигъ пошире раскрыть глаза.

Взгляните по сторонамъ. Собственно говоря, что можетъ быть привлекательнаго въ этомъ маленькомъ лѣтнемъ саду, въ этомъ загородномъ шантанѣ.

О, конечно, ничего. Все такъ пошло съ перваго взгляда—и это пѣнье, и эти танцы, и эти накрашенные лица маленькихъ хористокъ, и подвыпившая публика, и этотъ неслѣпый балаганъ въ русскомъ стилѣ, называемый рестораномъ «Мон герос».

Но надъ вами такое звѣздное, такое высокое осеннее небо. А на клумбахъ цвѣтутъ георгины. Неужели вамъ этого мало, для того, чтобы наслаждаться, чтобы быть счастливыми.

Кромѣ того, мнѣ нравится, что столики здѣсь такъ далеко другъ отъ друга. Тамъ и тутъ пылаютъ, мигая языки желтаго пламени въ садовыхъ подвѣсничкахъ, освѣщая только столики, чьи то движущіяся руки и склоняющіяся лица, а людей не видно, ихъ туловища слились съ окружающей ночью. Красное вино въ чашахъ бросаетъ на скатерть круглыя, кровавыя пятна... Я могу предложить вамъ мои папиросы и, затягиваясь ихъ ароматическимъ дымомъ, окутывая себя облакомъ египетскаго табака, вы можете грезить о тропическихъ странахъ, о любви къ черной венерѣ, если вамъ угодно.

Я, по крайней мѣрѣ, счастливъ, и мнѣ ничего не нужно. Только позвольте еще немного поболтать съ вами.

До сихъ поръ я не знаю своего сердца. Почему оно бьется иногда такъ тихо и ровно, что его не слышно, а иногда колотится такъ, что хочется схватиться за грудь, чтобы удержать его?

Я не знаю, почему ко мнѣ приходитъ любовь. Она прихотлива, какъ сны,—веселые въ горѣ и грустные въ радости.

По странной случайности мы сидимъ съ вами въ томъ саду, гдѣ пѣюгда я нашелъ свою любовь.

Тогда тоже цвѣли георгины, и потому то они приносятъ мнѣ столько радости.

Я люблю ихъ пышныя головки—то пурпурныя, то огненные, сладостно склоняющіяся подъ вѣтромъ на такихъ длинныхъ стебляхъ. Я люблю ихъ острый, ядовитый запахъ, запахъ актрисы, кокетки, хитрой темпераментной женщины.

Они расцвѣли тогда, когда я прїѣхалъ въ этотъ городъ, и однажды вечеромъ, прїидя съ моимъ другомъ въ этотъ садъ, смотрѣлъ на звѣзды на небѣ, слушалъ пѣніе m-lle Ирмы и восхищался ея танцами. Правда, у m-lle Ирмы былъ немного рѣзкій, глухой голосъ и слишкомъ ломанныя линіи были въ ея танцахъ, но зато на ея лицѣ жутко вспыхивали два черныхъ глаза и бѣлѣли зубы, когда она улыбалась. Вы сейчасъ можете замѣтить это, потому что она мало измѣнилась съ тѣхъ поръ.

Мой другъ предложилъ мнѣ поужинать въ отдѣльномъ кабинетѣ.

— Если ты пожелаешь, мы можемъ пригласить къ себѣ m-lle Ирму,—сказалъ онъ, лукаво улыбаясь:—она, по всей вѣроятности, не откажется отъ нашего общества...

Я согласился, и такъ началось наше знакомство.

Намъ отвели большую комнату съ досчатыми стѣнами, съ широкими окнами на рѣку, на открытую сцену, гдѣ изступленно игралъ румынскій оркестръ.

Глава труппы—широкоплечій въ красной венгеркѣ, изогнувъ пальцы на струнахъ, махалъ блестящимъ смычкомъ, будто грозный завоеватель во главѣ своей орды. Онъ распоряжался звуками, собиралъ ихъ и разбрасывалъ, какъ драгоценную пыль самоцвѣтныхъ камней; то сосредоточивалъ бури тоновъ, то разсыпалъ ихъ блестящими потоками, а затѣмъ спокойный, улыбаясь, снова ловилъ брошенную гармонию и высоко—однимъ, въ сопровожденіи басовъ, подъ сурдинкой разливалъ нѣжными арпеджіями.

Ирма пришла со своими подругами и таперомъ.

Этотъ послѣдній ни слова не проронилъ за весь вечеръ. Лицо его было неподвижно, смугло, темныя глаза сидѣли глубоко подъ черными, точно накрашенными, бровями. Гладкіе, черные, блестящіе волосы лежали въ строгомъ проборѣ, волосокъ къ волоску, и казались приклеенными. Онъ слегка горбился, длинныя руки его непрестанно цѣплялись за что-нибудь и перебирали тонкими бѣлыми пальцами. Онъ былъ похожъ на француза или испанца, какого-нибудь маляка преслѣдуемаго навязчивой, дикой идеей, или на курильщика опиума,—можетъ быть на шулера, для котораго его занятіе стало отравой и воздухомъ.

Когда его просили играть, онъ сначала смотрѣлъ на Ирму и молча повиновался только ей одной.

Теперь кто-то другой аккомпанируетъ ей, но тогда она не разставалась съ нимъ. Я думаю, что онъ плохо кончилъ.

Ирма умѣла смѣяться и умѣла пить. Ее не нужно было упрашивать.

Она чокалась со мною, потомъ молча передавала свой недопитый бокалъ таперу. Онъ жадно выпивалъ все до капли; мутно вспыхивали его глаза, и опять пальцы бѣгали по клавишамъ, а Ирма плясала.

Они, казалось, понимали другъ друга безъ словъ, какъ согласные любовники, но ни разу они не улыбнулись другъ другу—что-то злое было въ ихъ общеніи.

Нельзя было не опьянѣть.

Я тянулась къ танцовщицѣ, а она весело смѣялась и гладила меня по лицу, по волосамъ, садилась ко мнѣ на колѣни, шептала мнѣ какія-то слова, ударившія мнѣ въ голову дурманомъ.

Но когда случайно мой взглядъ останавливался на таперѣ, на его смугломъ лицѣ, и я видѣлъ его глаза, неподвижно устремленные на танцовщицу, меня охватывала жуть, и мнѣ хотѣлось бѣжать, спрятаться.

Въ одну изъ такихъ минутъ я остановилъ Ирму за руку и шепнулъ ей:

— Уйдемъ отсюда...

Должно быть, лицо мое было очень блѣдно, очень возбуждено, а въ глазахъ еще дрожали страхъ, потому что танцовщица сразу же замолкла и тихо отвѣтила:

— Идемъ...

Потомъ подошла къ таперу и, глядя куда-то въ сторону, мимо него, сказала:

— Я уйду, ты останешься здѣсь и будешь играть до моего возвращенія, да?

И, кивнувъ мнѣ, чтобы я слѣдовалъ за нею, скользнула въ дверь.

До утра я слышалъ заглушенную стѣнами музыку. Я цѣловалъ Ирму, которая оказалась такой доступной.

Она называла меня всѣми ласкательными именами, какими дарятъ другъ друга самые пылкіе любовники. Но я ушелъ отъ нея холоднымъ.

Я отвѣчалъ ей поцѣлуями на ея поцѣлуи, какъ отвѣчалъ бы всякій другой. Это было въ порядкѣ вещей. Что-жъ подѣлать, мы все-таки зефир, несмотря ни на что...

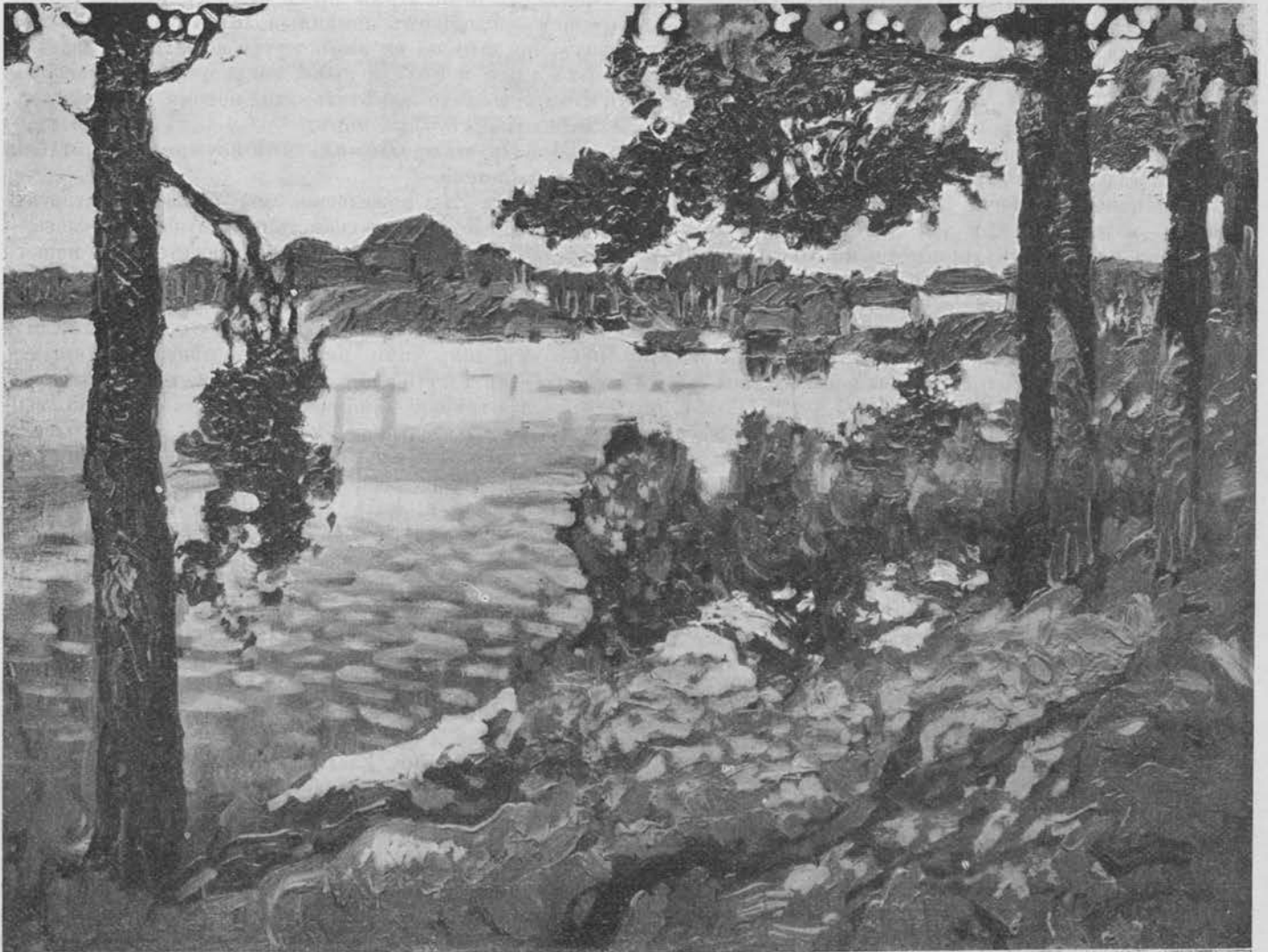
Я крадучись спустился по скрипучей лѣстницѣ въ садъ. Ресторанъ былъ пустъ, неприятно-холоденъ.

Отъ деревянныхъ стѣнъ, какъ дыханіе пьяницы, шелъ кислый, остывшій запахъ перегорѣлаго масла, табака, вина, человеческого пота. Эти неприятныя теперь стѣны дышали тѣмъ, чѣмъ дышали покинувшіе ихъ люди. Дежурный лакей спалъ въ углу, втянувъ блѣдное лицо свое въ потертые лацкана фрака.

На круглой площадкѣ, усыпанной гравіемъ, передъ открытой сценой, стояли сдвинутыя скамейки, покрытыя каплями росы. Роса покрывала дорожка сада, желтѣющія кусты деревьевъ, съжившіяся головки георгинъ.

Меня охватилъ ознобъ. Я запряталъ руки въ карманы, но не уходилъ домой.

Поднявъ голову, я прислушивался къ странной мелодіи, несшейся изъ второго этажа, гдѣ были кабинеты.

Передвижная выставка.

«У озера».

К. П. Горбатовъ. Фот. К. Булла.

Да, это играл таперъ. Тотъ самый таперъ, который такъ поразилъ меня.

Это было что-то давящее, тяжелое, похожее на бредъ, какая-то импровизация, могущая свести съ ума.

Одна и та же мелодія повторялась безконечное число разъ. Точно повторяли на разные лады одно слово, то тише, то громче, то плача, то смѣясь. Только маньякъ могъ выдумать такую музыку.

Нѣсколько разъ я порывался уйти, но каждый разъ оставался и слушалъ.

Смотрѣлъ на георгины, такіе яркіе, цинковые въ бѣломъ киселѣ тумана.

Наконецъ, холодъ пронизывающій до костей погналъ меня прочь изъ сада. Я почти бѣжалъ вверхъ по улицѣ, преслѣдуемый этой дикой мелодіей на зарѣ. Я не помню, какія чувства волновали меня. Можетъ быть, просто хмѣлъ еще шумѣлъ въ головѣ.

Но я пробродилъ такъ по городу нѣсколько часовъ.

Туманъ давно разсѣялся, и ярко сіяло осеннее солнце. Усталый я возвращался къ себѣ въ номеръ гостиницы. И неожиданно услышалъ за собою поспѣшные догоняющіе шаги.

Я обернулся и въ удивленіи замеръ. На меня шелъ таперъ.

Поровнявшись со мною, онъ пріостановился, потомъ пошелъ дальше, точно желая сопутствовать миѣ. Недоумѣвая, я пошелъ снова, не коса глядя на своего молчаливаго спутника.

Такъ мы прошли съ нимъ нѣсколько улицъ до подъѣзда моей гостиницы.

Я приподнял шляпу. Таперъ молча смотрѣлъ на меня. Потомъ, когда миѣ уже открыли дверь и я собирался войти въ подъѣздъ, онъ схватилъ меня за руку и сказалъ изволнованно, точно продолжая какой-то разговоръ со мною:

— Но поймите, что я люблю ее...

И сейчасъ же побѣжалъ дальше.

Туть-то и произошло самое странное. Представьте себѣ, миѣ показалось, что я понялъ этого несчастнаго. Я точно вошелъ въ его жизнь.

На одно мгновеніе я почувствовалъ, какъ велика любовь этого человѣка, и какую-то сладкую боль почувствовалъ въ своемъ сердцѣ.

Я пошелъ къ себѣ въ номеръ и заснулъ, какъ убитый, а вечеромъ уже былъ въ этомъ саду съ одной мыслью объ Ирмѣ.

И когда она вышла на сцену, чтобы танцовать и пѣть свои веселыя пѣсни, я не видѣлъ ея движеній, не слышалъ ея голоса, и казалась она миѣ самой чистой среди всѣхъ женщинъ.

А потомъ я не пошелъ въ кабинетъ, а остался въ саду въ дальнемъ уголкѣ, за клумбами георгинъ, и прислушивался къ музыкѣ. Я зналъ, что Ирма цѣлуетъ теперь кого-нибудь, пьетъ вино и смѣется. Но я не хотѣлъ быть на мѣстѣ этого счастливаца.

Я страдалъ, я готовъ былъ плакать, миѣ казалось, что я самый одинокій человѣкъ въ мірѣ. Я прислушивался къ мелодіи, которая была опять все та же. Тамъ, въ кабинетѣ, сидѣлъ человѣкъ, не то французъ, не то испанецъ со смуглымъ лицомъ, съ глубоко сидящими темными глазами, съ черными, гладко зачесанными, точно приклеенными, волосами и повторялъ одно и то же страшное слово, то тихо, то громко, то смѣясь, то плача.

— Люблю, люблю, люблю... И я повторялъ его вслѣдъ за нимъ.

На этотъ разъ любовь пришла ко миѣ тогда, когда является равнодушіе. Она пришла ко миѣ послѣ объятій этой маленькой женщины, послѣ поцѣлуевъ, послѣ того, какъ я пересталъ въ ней видѣть человѣка и готовъ былъ цѣловать любую ея подругу, такъ же страстно, какъ и ее. Теперь я зналъ, что ее можно любить.

Любовь пришла ко миѣ послѣ того, какъ Ирма стала моей безъ любви.

До утра, продрогшій, ждалъ я Ирму у подъѣзда и, когда она вышла, не посмѣлъ даже подойти къ ней.

Замѣтивъ меня, она зсмѣялась. Должно быть, я былъ очень смѣшенъ. Не знаю. Но все-же Ирма была настолько добра, что бросила миѣ на прощанье сорванную на ходу георгину.

Она и тогда не пахла, эта пышная георгина, а черезъ нѣсколько лѣтъ поблекли и ея яркія краски, но я берегъ ее.

До сегодняшняго дня я не встрѣчался съ этой актрисой изъ лѣтняго сада, давно уже забылъ о ночи, проведенной съ нею, но помню ея прощальную улыбку и хрипу ея увядшій цвѣтокъ.

Все еще звучитъ въ ухахъ у меня слышанная мною мелодія, одно слово, повторяемое несчетное число разъ.

— Люблю, люблю, люблю...

И вы напрасно звали бы меня сегодня ужинать съ Ирмой.

Ю. Слезкинъ.

КГ.

ОПРОЩЕНИЕ.

Армякъ и лапти... да! надѣнь, надѣнь
На Душу-Мысль свою, коварно-сложную,
И пусть, какъ странница, и ночь, и день
Несетъ сермяжную суму дорожную.

Въ избѣ изъ милости подъ лавкой спитъ,
Пускай наплачется, пускай намается,
Слезами ѣдкими свой хлѣбъ солить,
Пусть тяжесть земная ей открывается.

Тогда опять ее прими, прими
Всепобѣдившую, смиренно-славную...
Она, крылатая, жила съ людьми,—
И жизнь вернула ей одежду бѣлую.

З. Гиппиусъ.

ЗАБАВНАЯ ИСТОРИЯ.

С. Я. Полякову.

Праздники неожиданно начались очень весело: у акцизного Крутикова сбѣжала жена, сбѣжала среди бѣла дня прямо къ податному инспектору.

Докторъ Кишевичъ какъ разъ стоялъ на углу той улицы, гдѣ живетъ инспекторъ и видѣлъ собственными глазами, какъ Крутикова подѣзжала на извозчикѣ съ чемоданомъ и подушками и одѣломъ.

— Ей-богу! И конецъ одѣла по сѣбгу мететь. Ей-богу!

Докторъ Кишевичъ былъ враль и сплетникъ, и вѣрили ему вообще не особенно охотно, такъ что онъ очень напиралъ на эту деталь съ концомъ одѣла: ужъ разъ такъ все подробно описываетъ—значить, правда.

Вечеромъ у Кишевича собрался народъ. Пришли нарочно, чтобы послушать забавную исторію.

— Ужасно! Ужасно!—кудахтали дамы,—она скомпрометировала весь нашъ кружокъ, все наше общество.

— Но за то какъ же мы должны ѣбнуть тѣхъ дамъ, которые вѣрны своему долгу!—томо повторялъ учитель Селечневъ, пожимая подъ столомъ ногу докторши.

— Ёдетъ, а одѣло такъ и мететь по сѣбгу, такъ и мететь!—захлебывался Кишевичъ.

— Но какой дуракъ этотъ Крутиковъ! Позволить женѣ устраивать такіе скандалы.

— А что же ему прикажете дѣлать?

— Запереть ее.

— Выдралъ бы хорошенько.

— Убить.

— Что же это будетъ? Неужели онъ ей разводъ дастъ?

— Это на что?—удивился Кишевичъ,—вы думаете, инспекторъ на ней жениться собирается? Хо-хо! Нашли дурака. Да онъ ее завтра же выгонитъ и съ подушками и съ одѣломъ. Очень ему нужна такая дѣвчонка.

Послѣ чаю пріѣхала слѣдовательша. Принесла новья вѣсти. Оказывается, акцизный Крутиковъ раскрылъ измѣну жены и закатилъ ей сцену, а потомъ ушелъ искать секундантовъ. А она въ это время забрала свои манатки, да прямо къ инспектору.

— Хо-хо!—захлебывался Кишевичъ,—инспекторъ-то теперь со злости локти грызетъ. Ну, что ему съ ней дѣлать?

Долго обсуждали вопросъ взаимоотношеній Крутиковъ и инспектора. Докторша даже разложила карты на червоннаго короля, чтобы узнать что на душѣ у инспектора. Вышли три дамы съ вечерними разговорами и амурный интересъ черезъ дальнюю дорогу: душа у инспектора была не вѣрная, и марьяжныхъ картъ для нея судьба не приготовила.

Часамъ къ десяти, когда всѣ факты оказались исчерпанными и жажда проникновения въ глубину событій чувствовалась горячей и неутоленной, докторъ

«Галиційське типи».

А. Ляховскій.

Кишевичъ накинулъ шубу и побѣжалъ къ инспектору подь окно—можетъ быть, что-нибудь и видно.

Вернувшись, рассказалъ все, что видѣлъ и слышалъ: слышалъ онъ звуки музыки и догадался, что это инспекторъ вертитъ свой аристонъ. А видѣлъ онъ по тѣни на бѣлой шторѣ, что Крутикова танцуетъ по комнатѣ какъ будто польку. Вотъ такъ: трамъ-трамъ и подскокнетъ, трамъ и подскокнетъ.

— Да, это явственно полька—подтвердилъ догадку учитель.

Упивались обсуждениями аристона и польки, пока въ горлѣ не пересохло. Пришлось принести новый самоваръ.

— Молодецъ бабенця, веселая—неожиданно сказала учитель. Пляшетъ себѣ и горя мало.

На учителя обрушились всѣ дамы, и онъ быстро затихъ.

Въ десять часовъ, когда уже кое-кто сталъ собираться домой, неожиданно въ передней позвонили.

— Что такое? Кто такой!

— Крутиковъ пришелъ,—сказала горничная,—проситъ барина выйти.

— Крутиковъ? Крутиковъ? Быть не можетъ!

Заметались, зтарахтѣли.

— Ради Бога, не закрывайте двери! Хотя щелочку оставьте! Посмотрѣть... послушать.

Кишевичъ чувствовалъ себя именинникомъ.

— Подождите, неловко такъ. Все равно все расскажу.

Выбѣжалъ въ переднюю.

Тамъ стоялъ Крутиковъ въ пальто, но безъ шапки, маленькій, худенькій, совсѣмъ молодой, съ бѣлокурнымъ хохолкомъ на головѣ.

— Простите,—жалобно улыбнулся онъ бѣлыми тонкими губами,—я хотѣлъ васъ въ секунданты... но это было раньше. Теперь я съ просьбой, потому что вы очень умный и добрый, потому не откажете.

Кишевичъ сдѣлалъ, какъ умѣлъ, умное и доброе лицо и пригласилъ Крутикова сѣсть.

Но Крутиковъ не сѣлъ. Онъ очень волновался и даже немножко дрожалъ.

— Я хочу просить васъ. Леля... моя жена... она полюбила, словомъ, она уѣхала. Я самъ виноватъ—я ее ударилъ.

Онъ задрожалъ еще больше, и углы его рта оттянулись такъ низко, что онъ не могъ говорить.

— Э, что тамъ!—успокаивалъ его Кишевичъ, прислушиваясь къ шороху и шопоту за дверью.

— Да... я виноватъ. И вотъ я очень беспокоюсь... она забыла захватить свою швейную машинку, а, можетъ быть, ей нужно что-нибудь пошить. Она всегда много шила. Миѣ самому неловко... ради Бога доставьте ей машинку, какъ будто отъ васъ... она здѣсь въ сѣняхъ... я принесъ...

* * *

Докторъ Кишевичъ хохоталъ до утра. Хохотали и всѣ его присные.

— Отъ-то дурень! Отъ-то дурень! Машинка ей нужна! Только машинки ей и не хватаетъ... Га-га-га!

Онъ держался за животъ обѣими руками и мотался изъ сто оны въ сторону, какъ отъ боли.

— Ой уморилъ! Ой... машинку... ой... га-га-га!

— А все-таки нахаль—рѣшила отхохотавшись докторша.—Какъ онъ смѣетъ обременять тебя подобными порученіями. Заставлять почтеннаго человѣка заботиться о дѣлахъ какой-то разгульной бабы.

И тутъ же ночью послала Крутикову, смѣха ради, записку съ кухаркой:

«Пожалуйста, милый Иванъ Андреевичъ, если есть у Васъ еще порученія къ Вашей симпатичной женѣ, обращайтесь прямо ко миѣ. Почту за честь служить ей интересамъ.

Анна Кишевичъ».

Записку эту Крутиковъ успѣлъ прочесть, потому что ее нашли распечатанной на столѣ рядомъ съ письмомъ, адресованнымъ «Женѣ моей Ольгѣ Крутиковой».

Это послѣднее письмо забралъ слѣдователь вмѣстѣ съ другими документами и читалъ вслухъ въ клубѣ цѣлый мѣсяцъ, пока не надоѣло.

«Леличка, цвѣтокъ мой бѣленькій—писалъ акцизный Крутиковъ.—Прости меня, что опять причиняю тебѣ огорченіе, но съ тѣхъ поръ, какъ я ударилъ тебя, я погибшій человекъ, и отъ меня можно ждать всякихъ гадостей. Цвѣтокъ мой бѣленькій, не избѣгай людей, они всѣ чудесные. Докторъ Кишевичъ, умный и добрый, поможетъ тебѣ во всемъ. Жена у него ангелъ, доброты необычайной. Довѣрься имъ во всемъ. А я цѣлую твои ручки и ножки. Не сердись на меня за это.

Твой Ваня».

— Онъ снялъ съ правой ноги сапогъ и этой ногой нажалъ курокъ своего стараго охотничьяго ружья—прибавлялъ каждый разъ слѣдователь, не мѣняя ни одного слова изъ записаннаго имъ протокола.

Слѣдователь считалъ себя литераторомъ и очень гордился своимъ стилемъ.

Тэффи.

ГАДАНИЕ.

Я лунный лучъ на зеркало ловлю,
Хочу судьбу пытать я подь крещенье.
Кого увижу я? Кого я полюблю?
Или солжетъ пустое отраженье.

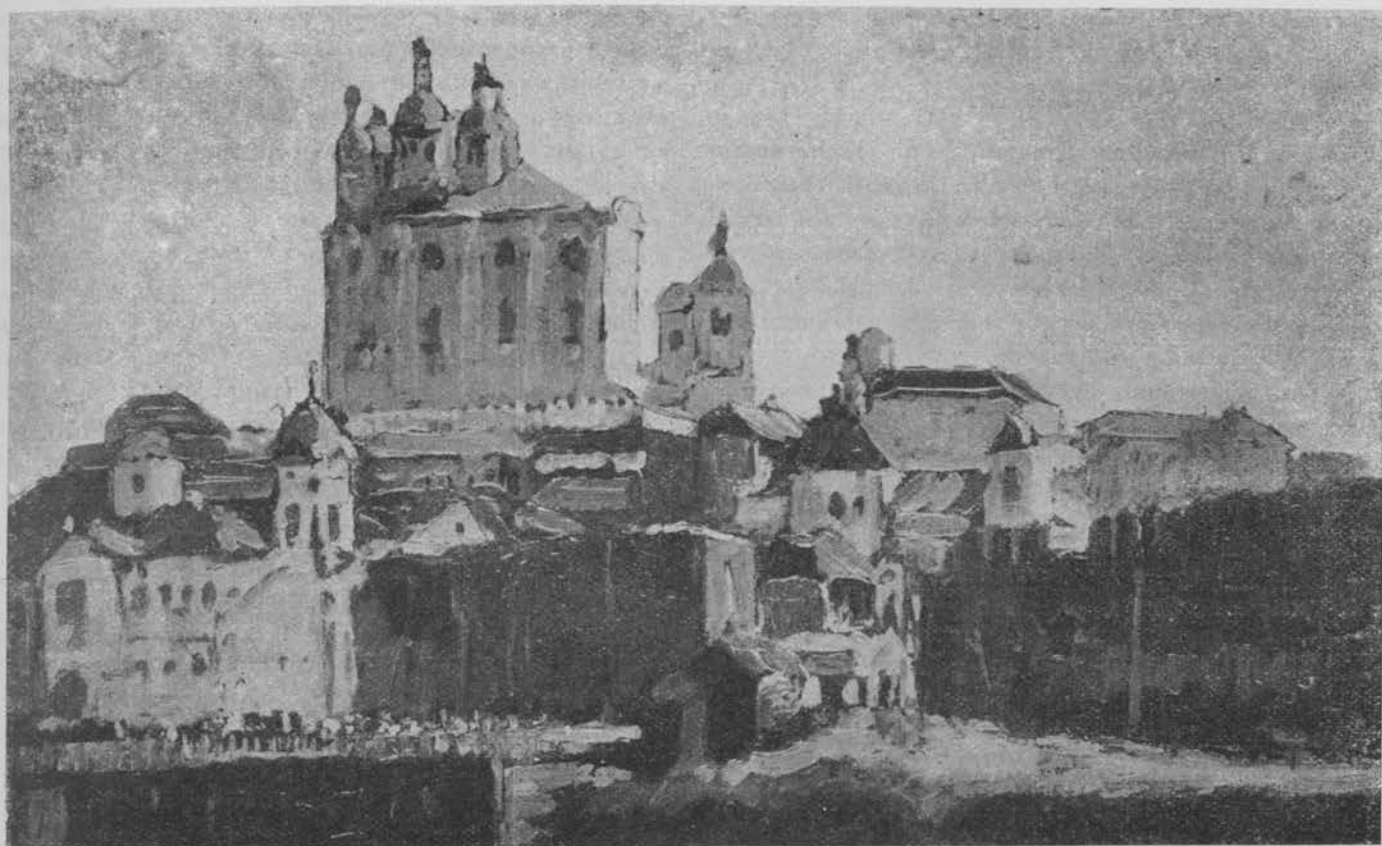
И лунный лучъ на зеркало упалъ,
Разбился въ столбъ—дрожащій и лучистый.
Невѣрный, точно розовый опалъ,
Сверкающій, какъ грани аметистовъ.

Дрожать лучи... Сливаются въ кольцо.
Блестаютъ радугой воздушныхъ переливовъ.
И незнакомое лукавое лицо
Глядитъ оттуда весело и живо.

Боюсь повѣрить въ трепетный намекъ
А грудь волнуется въ невѣдомомъ смущеньи.

Ужели счастья радостный вѣнокъ
Сулило миѣ гаданье подь крещенье?

Т. Ефимова.

Передвижная выставка.

«Смоленск».

К. Н. Горбатовъ. Фот. К. Булла.

Передвижная выставка.

«Вечерній часъ».

А. В. Лаховскій. Фот. К. Булла.

НА ЕЛКУ.

РАЗСКАЗЪ.

Уже который разъ въ квартирѣ Корытиныхъ между двумя женщинами идетъ жаркій споръ на модно-очередную тему—объ елкѣ. Мадамъ Корытина, немолодая брюнетка, кипитъ, доказывая, до хрипоты въ горлѣ, своей жилищкѣ Парфеновой негуманность елки вообще, а германской—въ частности.

— Да я лучше себѣ голову отрублю, чѣмъ допущу елку въ теперешнія времена у себя въ домѣ. Лишнее напоминаніе объ этихъ варварахъ,—объ отрубленныхъ языкахъ, выколотыхъ глазахъ, о всѣхъ этихъ ужасахъ. Наконецъ, просто не хочу быть обезьяной. Довольно ужъ мы жили чужимъ умомъ!

— Что жъ, развѣ новое что-нибудь придумали вмѣсто елки?—кратко спрашиваетъ Парфенова, моло-

дая женщина, лѣтъ 27 на видъ, съ истомленнымъ, хотя и милостивымъ, лицомъ.

Кроткій тонъ ея кажется Корытиной притворнымъ, въ словахъ ея чудится Корытиной насмѣшка, которой и на умѣ нѣтъ у Парфеновой.

— Нѣтъ, ужъ придумывайте вы сами,—подчеркивая послѣднее слово, парируетъ Корытина.—Я только вамъ удивляюсь, по правдѣ сказать. Ну, куда вамъ съ вашими доходами объ елкѣ думать? Вѣдь это роскошь, пустая прихоть, поймите!

— Для меня не пустая прихоть,—возражаетъ Парфенова, мило покрасивъ,—для меня елка—традиція, память дѣтства, символъ праздника—всего того милаго, безъ чего человеку трудно прожить. Вспомнишь дѣтство, невольно молодѣешь душою. Вѣдь согласитесь, что нелегко отказаться отъ того, съ чѣмъ связанъ все прошлое, такое милое, дорогое.

— Не нахожу,—завитъ Корытина.—Такой же предрасудокъ, какъ мясоѣденіе, блиноѣденіе и про-

чія пелѣности нашего буржуазнаго уклада. Давно уже пора пересмотрѣть и сдать въ архивъ всю эту труху. Со дня объявленія войны жена врача Корытина взяла чрезвычайно рѣшительный тонъ по отношенію ко всему, моментально переоцѣнивъ всякаго рода «буржуазныя дѣлности», чѣмъ, впрочемъ, по увѣренію собственныхъ ея дѣтей, нагоняла на другихъ только панику. Мужа у нея призвали на военную службу и послали въ какой-то захолустный городишко, въ военный лазаретъ. Корытина и это обстоятельство учла, сдавъ его кабинетъ учительницѣ музыки Парфеновой (тоже жена призваннаго). Теперь большую часть дня Корытина проводитъ въ длиннѣйшихъ съ нею спорахъ и пререканіяхъ, конечно, все по тому же, всѣхъ насъ волнующему, поводу.

Парфенову она, конечно, не считаетъ равной себѣ въ спорахъ и въ умственномъ развитіи. Во-первыхъ, та занимается музыкой,—«въ наше время, когда» и т. д... Затѣмъ она по своей нелюбви къ спорамъ часто уступаетъ (или дѣлаетъ видъ, что уступаетъ) въ принципиальныхъ вопросахъ. И наконецъ, что самое главное,—знаетъ съ декадентами, любить искусство и способна и теперь цѣлый вечеръ провести въ чтеніи стиховъ или въ бесѣдѣ съ однимъ изъ косноязычныхъ поэтовъ. Эти чтенія и бесѣды выводятъ Корытину изъ себя. Вначалѣ она пробовала заходить къ Парфеновой, когда у нея были гости, но читаемое оказалось внѣ круга ея понятій.

— Что же это такое? Я ничего не понимаю!—сердито говорила она.—Объясните, пожалуйста, что это значитъ.

Поэты снисходительно объясняли, но ихъ объясненія еще болѣе раздражали Корытину. И, наконецъ, она перестала заходить къ Парфеновой, и на ея приглашенія язвительно отвѣчала:

— Благодарю покорно! Эти ваши поэты меня совершенно не интересуютъ.

И по всѣмъ-то «очереднымъ вопросамъ», какъ выражается Корытина, у нихъ такое же несогласіе. Во время «кружечныхъ сборовъ» Парфенова доказывала, что надо одѣться получше и вообще придать

устроить для своей трехлѣтней Танюшки, клеить и вырѣзывать картонажи и цѣпи изъ золотой бумаги и фольги. Тутъ-то и начались яростныя атаки Корытиной, рѣшившейся,—тоже принципиально,—отказаться въ этомъ году отъ всякихъ «развлеченій» и даже носить только одиѣ черныя платья.

всему дѣлу парадный, красочный видъ. — Корытина же принципиально не допускала никакихъ расходовъ, не считаясь съ тѣмъ, что, пожалуй, тогда и доходъ будетъ меньше... Въ лазаретѣ для раненыхъ, гдѣ она дежурить, вегетарианка Корытина произноситъ цѣлыя рѣчи противъ употребленія «стравъ»—мяса, кофе, чая,—посѣщенія кинематографовъ и пр. «соблазновъ» неприципиальнаго характера.

Даже во внѣшней жизни отражаются ихъ разногласія весьма наглядно. Войдетъ Корытина къ Парфеновой, презрительно сощурится.

— Фу-ты, ны-ты! Финти-фанты! При нашей бѣдности такія нѣжности!

Въ комнатѣ Парфеновой всегда прибрано, уютно, но стѣнамъ гравюрки, на полкахъ портреты, книги. Дочка Танюшка мило приодѣта. А у Корытиной пыльно и непривѣтливо. Она даже полотеровъ отменила.

— Не такое теперь время.

Мебель въ чехлахъ, окна безъ шторъ. Говорить гордо:

— Мой девизъ: для себя ничего лишняго.

А теперь эта елка... Еще задолго до праздниковъ Парфенова начала мечтать объ елкѣ, которую она

— Марія Николаевна, вѣдь вы только лишній разъ наводите мысль на трауръ,—говорила ей не разъ Парфенова.

— И пусть,—упорствовала Корытина.—Пусть каждая женщина свыкается съ мыслью о траурѣ, о томъ, что она ежеминутно можетъ потерять мужа, брата, сына...

— Да, но зачѣмъ же наводить тоску заранее?—недоумѣвала тихая, всегда спокойная Парфенова.—Придетъ время,—всѣ поскорбимъ, у кого будутъ потери, но зачѣмъ же теперь-то?.. Надо, чтобы жизнь оставшихся шла нормально, своимъ чередомъ. Это и «имъ» тамъ, я думаю, пріятнѣе...

— Что пріятнѣе? Разныя тутъ трупья-ля, когда кровь льется?—сурово вскидывалась Корытина.—Все это доказываетъ только, до какой степени мы обуржуазились, если даже теперь не можемъ ни отъ чего отказаться.

— Да вѣдь елка пустяки стоять,—робко оправдывалась Парфенова.—Я на извозчикахъ уже цѣлый мѣсяцъ экономяю. Танюшка взвостъ, если ея не будетъ. Первый годъ святки встрѣчаемъ безъ паны. Ужели и этого ее лишитъ?

— Надо и дѣтей приучать къ лишениямъ.

И такъ каждый день,—каждый обѣдъ и завтракъ. Парфенова уже начинаетъ подумывать, не поискать ли другую комнату, хотя здѣсь ей во всѣхъ отношеніяхъ удобно и недорого. Развѣ попробовать не обращать вниманія?..

— А все-таки елку я устрою непременно,—говорит она Корытиной тихо, съ кротким упрямством.

Корытина краснѣетъ и кричитъ:

— Съ тѣмъ васъ и поздравляю! Глубѣ ничего придумать не могли.

Парфенова уходитъ къ себѣ и соображаетъ, какъ устроить елку. Развѣшиваетъ на душистыхъ вѣточкахъ старые, отъ прошлогодней елки, цѣпи, бусы, фонарики. Сверху—ватнаго дѣда и ангела, обсыпаннаго серебромъ. Купить только свѣчекъ, пастилы, да пряниковъ. Къ мандаринамъ въ этомъ году не приступить... Таничкиныхъ подругъ позвать... И чего только эта особа лаетъ...

— Коля, Костя,—говоритъ тѣмъ временемъ «особа» своимъ мальчикамъ,—вмѣсто вашей елки я передала деньги въ комитетъ снабженія раненыхъ теплой одеждой. Надѣюсь, васъ это обрадуетъ гораздо больше какого-то дурацкаго дерева...

Коля и Костя, вопреки ожиданію, встрѣчаютъ это извѣстіе довольно равнодушно.

— Что жъ, вы не рады?—сурово спрашиваетъ мать.—Вы развѣ не сочувствуете раненымъ?

— Мы рады, мама,—говоритъ Коля апатично,—мы сочувствуемъ раненымъ.

— Сочувствуемъ,—повторяетъ Костя.—Конечно, лучше раненымъ, а мы подождемъ до будущаго года.

Но, оставшись одни, говорятъ:

— Безъ елки что за праздникъ!

— И что наша елка! Точно на другомъ нельзя съэкономить.

— Ну ладно,—рѣшаетъ старшій, Коля,—не будетъ и не надо. Невидаль!

Насталъ, наконецъ, и сочельникъ. Насталъ великій праздникъ, вопреки всему ужасу и мукамъ, которые люди чинили другъ другу еще наканунѣ, позабывъ о Христѣ и объ его заповѣди, о прощеніи и милосердіи... Въ комнатѣ Парфеновой, въ углу, на столѣ, небольшая елочка, вся запорошенная золотомъ и серебряною канителью. Къ Таничкѣ пришли двѣ «запасныя» дѣвочки, Лиза и Зоя,—дочери кухарки.—Всѣ трое, взявшись за руки, въ голубыхъ платьицахъ, ходятъ кругомъ елки, отъ времени до времени вскрикивая въ восхищеніи:

— Рыбка!

— Птичка!

— Звѣздочка!

Парфенова, въ бѣлой кофточкѣ, тщательно причесанная, сидитъ у пѣяно, наигрывая польку. Ей отчего-то грустно, мысли далеко,—тамъ, на полѣ, гдѣ вмѣсто святочныхъ свѣчей—звѣзды въ небѣ, вмѣсто хлопушекъ—пушки, вмѣсто радующихся и танцующихъ дѣтей—взрослые люди, тѣ самые обычно добрые, милые, тихіе, теперь сражаются, страдаютъ и умираютъ...

Все же Таничкѣ весело, и Лизѣ съ Зоей тоже. Пусть не знаютъ всего, пусть хоть на одинъ вечеръ забудутъ то, о чемъ слышать ежечасно и ежедневно...

— Танцуйте, дѣтки, польку!

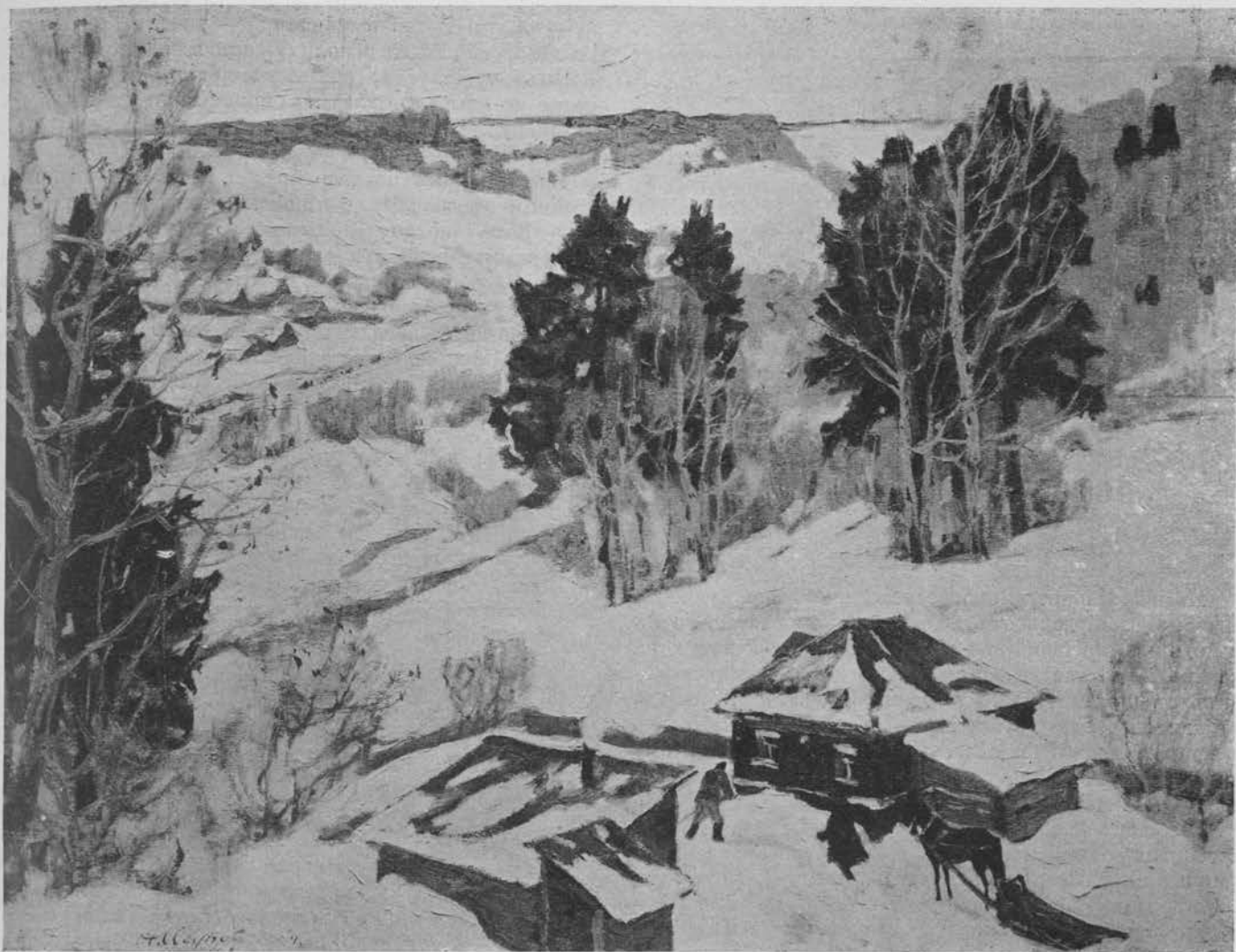
А Корытина сегодня злится съ самаго утра. Мальчики просились на елку къ Парфеновой,—не пустила:

— Извольте щипать корпию.

Мальчики пошептались и сбѣжали. Мать хватилась,—ихъ нѣтъ. Куда пошли? не на катокъ-ли? По-

Разрушенная деревня близъ Ивангорода.

Передвижная выставка.

«Зима».

А. Исуповъ. Фот. К. Булла.

смотрѣла,—такъ и есть, коньковъ нѣту. Думала злобно: «Ну, погодите, сорванцы. Сегодня сбѣжали, завтра съ глазъ не спущу, заставлю работать за два дня сразу».

Сидитъ одна,—прислуга ушла со двора, забывъ затопить печку,—холодно въ комнатѣ и тоскливо,—если ужъ на то пошло,—у нея на душѣ. Рѣзвый топотъ дѣтскихъ ножекъ и звуки польки ее раздражаютъ.

«Что за безцеремонность!»...

Хочется на что-то обрушиться, побрызгать, отвести на чемъ-нибудь душу... Но никого нѣтъ,—холодно, одиноко...

Злобно улыбаясь, стучится въ дверь къ Парфеновой и входитъ. Дѣвочки робѣютъ и смотрятъ на нее, держа другъ друга за платица. Парфенова сконфуженно подходитъ къ Корытиной. Говоритъ:

— Вотъ, веселимся.

— Очень мило! — презрительно роняетъ Корытина.—Фу ты, ну-ты, ножки гнуты!

Хочетъ уколотъ Парфенову.

— Мои мальчики къ вамъ просились, но я, ужъ вы меня извините, ихъ не пустила. У меня свои взгляды на воспитаніе. Они сегодня должны были щипать корпию, но убѣжали. Должно быть, стало завидно вашему веселью. Ну, я ихъ завтра заставлю поспѣть.

— Завтра праздникъ,—робко говоритъ Парфенова.

— Они должны помнить, что въ окопахъ нѣтъ

праздниковъ,—рѣзко говоритъ Корытина.—Ну, не стану мѣшать вашему веселью.

Уходитъ. Довольна, что сказала неприятное Парфеновой и что видѣла ее огорченное лицо.

Черезъ часъ догорѣли коротенькія свѣчки на елкѣ, сняли и подбѣлили между тремя свѣхъ ангеловъ, рыбокъ и птичекъ. «Запасныя» дѣвочки ушли въ полномъ восторгѣ, крѣпко придерживая на груди обѣими рученками подарки. Танюшку едва удалось уложить—такъ веселилась, плясала, тараторила весь вечеръ безъ умолку. Папѣ оставила съ елки самую большую звѣзду и лошадь съ попоною.

Теперь спитъ въ своей бѣленькой кроваткѣ, подложивъ ручку подъ голову и прижавъ къ груди лохматую картонную собачку. Голубая лампадка мирно сіяетъ въ углу надъ кроваткой,—за окномъ морозная, тоже голубая ночь... Парфенова стоитъ, прижавшись головой къ окну... Мысли летятъ все туда же, далеко, далеко... Ужъ цѣлый мѣсяцъ она безъ извѣстій...

Господи, что-то тамъ дѣлается... Кому понадобилось обратить весь міръ въ кладбище...

Вдругъ звонокъ въ передней... Корытина съ злымъ лицомъ суетъ ей въ дверь телеграмму...

Господи! ужели!

Спи пока мирно, маленькая дѣвочка въ бѣленькой кроваткѣ... Не надо, чтобъ заранѣе... Спи и не слушай, какъ рыдаетъ мама, спрятавшись въ углу за потухшей елкой. Спи,—Господь, заступникъ сиротъ, съ тобою...

Анастасія Чеботаревская.

„ПОТОГОННАЯ СИСТЕМА“.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Иванъ Ильичъ Виноградовъ тонко зналъ «политику». Цѣлый день онъ ходилъ по канцеляріи. То съ однимъ поговорить, то съ другимъ. Расскажетъ новенькій анекдотецъ, посмотритъ въ газету, поговорить съ пріятелями по телефону, скажетъ что-нибудь «пикантное» барышнѣ-машинисткѣ и ухмыльнется въ свою рыженькую бородку. Посидитъ, покурить, выпьетъ стаканчикъ чайку, и такъ, незамѣтно, досидитъ до конца занятій.

Но какъ только начнетъ стихать надоедливая трескотня «ремингтоновъ» и изъ дверей управленской канцеляріи служащіе потянутся вереницей къ выходу, Иванъ Ильичъ засуетится, забѣгаетъ, съ озабоченнымъ и сердитымъ видомъ примется разыскивать «исходящія» и «входящія» бумаги, лазать въ шкафы, стучать дверцами и искоса поглядывать поверхъ своихъ очковъ на проходящее начальство.

— Андрей! Принеси-ка горяченькаго чайку, — закричитъ Иванъ Ильичъ курьеру. И начнетъ кого-то ругать:

— Черти этакіе... Все разбросаютъ... Скорѣй бы только домой, да двадцатаго числа жалованье получить!.. Никто на полчаса не можетъ запоздать!.. Никакого радѣнія нѣтъ къ служебному долгу...

— Вы еще здѣсь? — мимоходомъ спроситъ Ивана Ильича правитель канцеляріи.

— Да какъ же-съ, — тономъ удивленнаго человѣка отвѣтитъ Иванъ Ильичъ. — Никакъ нельзя! Работы по горло... Надо немножко подогнать. Вѣдь наши то господа, какъ поденщики: пробило четыре и айда домой... Имъ — хоть трава не расти!..

— Хорошее дѣло, хорошее дѣло, — скажетъ правитель канцеляріи и, оглушительно хлопнувъ дверью, поспѣетъ изъ канцеляріи домой.

Иванъ Ильичъ выпьетъ стаканъ принесеннаго курьеромъ чаю и примется опять безцѣльно перелистывать служебныя бумаги.

— Хорошо, если бы къ Новому Году перевели на окладъ столоначальника, — молча разсуждаетъ Иванъ Ильичъ. — Можно было бы и купить кое-что и съ долгами расплатиться... А, впрочемъ, чортъ ихъ знаетъ... Можетъ, и вниманія не обратятъ... Потѣй тутъ...

Изъ длиннаго корридора раздается знакомый голосъ начальника. Онъ что-то приказываетъ курьеру.

Иванъ Ильичъ начинаетъ кашлять и энергичнѣе перелистывать бумаги.

— Ахъ, еще вы тутъ, — удивляется начальникъ. — У меня на столѣ остался конфиденціальный пакетъ... Отправьте его, пожалуйста, съ первой почтой... Это хорошо, что вы здѣсь, а я думалъ, что всѣ разошлись.

— Слушаю-съ, слушаю-съ, — зачистить Иванъ Ильичъ и сейчасъ же исполнитъ приказаніе начальника.

Онъ чувствуетъ, какъ учащенно забилось его сердце и какъ къ глазамъ приступили слезы, и съ сознаниемъ того, что день не прошелъ безцѣдно, идетъ домой.

Идя пѣшкомъ на квартиру — а Иванъ Ильичъ ради экономіи всегда ходилъ пѣшкомъ — онъ думалъ:

— Вотъ получу должность столоначальника и тогда заживу безъ нужды. Аккуратно буду платить за квартиру, ребятишки всегда будутъ чистенькіе, въ новенькихъ платицахъ... Алешу отдамъ въ реальное... Непремѣнно въ реальное, чтобы былъ инженеромъ. Будетъ!.. Покорно благодарю! Самъ помучился, да еще и дѣти твоя такую же лямку! НВ-Вть... Этого не будетъ!

II.

Мало-по-малу сослуживцы Ивана Ильича стали замѣчать за нимъ грѣхъ «прислуживанія» начальству послѣ занятій.

Кто-то въ шутку назвалъ его «Потогонной системой». Прозвище это такъ и осталось на немъ.

Иванъ Ильичъ, хотя и слышалъ обидныя проишія сослуживцевъ, но нисколько не измѣнялъ своей «политики» и продолжалъ послѣ общаго занятія въ канцеляріи хлопотать шкафами, перелистывать «входящія» и «исходящія» бумаги и вертѣться на глазахъ у начальства.

Чѣмъ кончилась бы такая «политика» Ивана Ильича — неизвѣстно. Быть можетъ, онъ получилъ бы желанное производство въ столоначальники или какое-либо другое поощреніе по службѣ. Но случилось то, чего никакъ не могъ ожидать Иванъ Ильичъ.

По протекціи какого-то вліятельнаго лица, въ канцелярію былъ принятъ маленькій сѣденькій старичокъ Петръ Петровичъ Иванчиковъ.

По составленіи послужнаго списка выяснилось, что Петръ Петровичъ ужъ не настолько былъ старъ, какъ это казалось.

Ему было всего только сорокъ два года.

Такъ вотъ этотъ Петръ Петровичъ Иванчиковъ, съ физиономіей дрессированной собачки, какъ-то сразу постигъ «политику» Ивана Ильича Виноградова. Оттого ли, что онъ съ дѣтми изголодался безъ мѣста, или потому, что хотѣлъ скорѣй сдѣлать себѣ карьеру на новой службѣ, — онъ сталъ оставаться въ канцеляріи съ Иваномъ Ильичемъ послѣ того, какъ всѣ ушли домой.

III.

Послѣ ухода сослуживцевъ Иванъ Ильичъ съ Петромъ Петровичемъ, разложивъ на своихъ столахъ бумаги, или чай, разсуждали о трудностяхъ семейной жизни при ихъ маленькомъ жалованьи, о служебныхъ интригахъ, о протекціи, и, дождавшись, когда начальство уйдетъ изъ канцеляріи, они тоже уходили закутить и еще побесѣдовать «по душамъ» въ ближайшей трактиръ перваго разряда «Прогрессъ».

Итакъ Иванъ Ильичъ зажилъ съ Петромъ Петровичемъ душа въ душу, и никто не могъ подумать, что они скоро будутъ другъ другу заклятыми врагами.

Началось это съ того, что съ нѣкоторыхъ поръ Петръ Петровичъ сталъ засиживаться въ канцеляріи на «полчасика» послѣ ухода Ивана Ильича.

— Будетъ тебѣ... Довольно... Идемъ, закусимъ въ «Прогрессъ», — съ упрекомъ говаривалъ Иванъ Ильичъ своему товарищу. — Начальство ушло... Чего же ты еще хочешь? Геморрой насидѣть?.. Ну, ну, сиди...

— Да, хорошо тебѣ съ тремя ребятишками на семидесяти пяти рубликахъ разсуждать! А у меня пятеро... А получаю всего пятьдесятъ... Вотъ и изворачивайся!..

Иванъ Ильичъ злостно плевалъ на полъ и, не прощаясь съ товарищемъ, уходилъ домой.

Минуть десять спустя собирался и Петръ Петровичъ.

Была ли это случайность, повліяла-ли протекція Петра Петровича, или начальство, дѣйствительно, обратило вниманіе на его усердіе, но фактъ тотъ, что къ Новому Году онъ былъ утвержденъ въ должности столоначальника, о которой такъ долго мечталъ Иванъ Ильичъ.

Узнавъ о такой новости, Иванъ Ильичъ былъ пораженъ и уничтоженъ. Онъ какъ-то скрючился, похудѣлъ. Нѣсколько дней онъ былъ молчаливъ, точно ему отрѣзали языкъ. Задумался, напыжился, точно нѣмецкій философъ. Сталъ вдругъ уходить домой

— Извините, Владиміръ Евгеньевичъ,—полушопотомъ, не своимъ голосомъ, заговорилъ Иванъ Ильичъ.— Я... я... насчетъ того... Знаете ли, дѣлалъ три года ждалъ вакансіи... Надѣялся, старался, дѣлалъ вечера просиживалъ... И вдругъ узналъ, что назначили не меня, а Иванчикова.

— Да какъ вы смѣете помимо правителя канцеляріи ко мнѣ обращаться съ такими жалобами!—закричалъ начальникъ.— Не ваше дѣло входить въ разсужденіе, кто достоинъ и кто не достоинъ! Я васъ представляю ко взысканію. Идите! Я больше съ вами не разговариваю...

А.Танд.

вмѣстѣ со всѣми сослуживцами. Пересталъ удостаивать своего соперника, своего новаго врага, даже взглядомъ-вниманіемъ, не подавалъ ему больше руки.

— Нечего сказать, согрѣлъ на своей груди змѣю,— разсуждалъ Иванъ Ильичъ.— Надо будетъ объясниться съ начальствомъ. Такъ нельзя... Такъ нельзя.

Цѣлую недѣлю Иванъ Ильичъ обдумывалъ вопросъ, какъ ему лучше объяснить начальнику свое усердіе и обманувшія его надежды, которыя онъ лелѣвалъ дѣлалъ три года. И, наконецъ, оставшись какъ-то послѣ занятій, онъ рѣшилъ идти къ самому начальнику.

У Ивана Ильича завертѣлось, закружилось вихремъ въ головѣ. Онъ потерялъ сознаніе. Не помнилъ, какъ вышелъ онъ изъ кабинета начальника, какъ одѣлся и дошелъ до своей квартиры. Все происходило, какъ во снѣ. Придя домой, Иванъ Ильичъ снялъ въ передней пальто и безшумно, какъ тѣнь, вошелъ въ столовую, гдѣ играли дѣти. Ни слова не сказавши, Иванъ Ильичъ прошелъ въ спальню, снялъ пиджакъ. Упалъ на постель. Уткнулся лицомъ въ мягкую подушку и горько по-дѣтски зарыдалъ.

Семенъ Волинъ.

На батарею!

БРЕЩЕНСКІЕ ВОЛКИ.

(СТАРИННОЕ СЕВЕНСКОЕ СКАЗАНИЕ).

Снѣжная буря, свирѣпствовавшая въ продолженіе цѣлаго дня, къ вечеру стихла. Дикіе порывы сѣвернаго вѣтра, подобные ударамъ хлыста, внезапно прекратились. Вѣтеръ перемѣнился; снѣгъ пересталъ падать. Ночь опустилась на землю прозрачная, яснолазурная въ блѣдныхъ лучахъ восходившей луны. Лунный свѣтъ озарялъ вершины горъ, окутанныхъ снѣжнымъ покровомъ, словно бѣлой горностаевою мантией.

Горная таверна, пріютившаяся въ ущельи на поворотѣ дороги, казалось, дремала. Но вотъ дверь съ шумомъ распахнулась, и на порогѣ дома появилась озабоченная хозяйка. Мгновеніе—и она съ крикомъ ужаса отпрянула назадъ: изъ-за поворота дороги вынырнулъ всадникъ, въ облакѣ снѣжной пыли, вихремъ влетѣлъ на дворъ таверны и, какъ вкопанный, сталъ у крыльца. Босвой конь, тяжело дыша, пугливо косился по сторонамъ, фыркая и прядя ушами. Путешественникъ, едва коснувшись ногой земли, повелительнымъ голосомъ отдавалъ приказанія подоспѣвшему конюху.

— Задай кормъ Арагану, да осмотри, не раненъ ли онъ въ крупъ!

— А ты, моя милая,—обратился къ хозяйкѣ, все еще дрожавшей въ испугѣ—скорѣй вина и огня!

— Св. Дѣва! Ваши латы въ крови, господинъ капитанъ,—пролепетала Тереза крестясь.

— Проклятіе хищникамъ! — яростно промолвилъ синьоръ Амольрикъ, входя въ домъ.—Нечего сказать, изящный видъ у меня! И въ этомъ нарядѣ я долженъ присутствовать на торжественной мессѣ! Что скажетъ синьоръ де-Феррьеръ, что подумаютъ дамы!

Въ глубинѣ просторной комнаты, освѣщенной яркимъ пламенемъ очага, сидѣло человѣкъ шесть обычныхъ посѣтителей таверны. Занятые игрой, они мало смутились появленіемъ синьора Амольрика, и только громкій разговоръ перешелъ въ почтительно-тихій.

Капитанъ, сложивъ свой тяжелый мушкетъ на столъ, самъ подѣлъ ближе къ весело пылавшему огню. Тереза, оправившись отъ страха, принесла вина и молча слушала разсказъ офицера... Цѣлая стая голодныхъ волковъ преслѣдовала всадника по горнымъ ущельямъ. Въ пятистахъ шагахъ отъ таверны, у мѣстечка Терондель, ихъ погоня перешла въ яростную агаку. Одна, самая разъяренная голчица, повисла на крупѣ коня. Пущенный въ ходъ кинжалъ сразилъ хищницу, но всаднику стоило большихъ усилій уйти отъ разсвирѣпѣвшихъ звѣрей.

Во время разсказа капитана присутствовавшіе одинъ за другимъ покинули свои мѣста и приблизились къ говорившему. Одинъ осмѣлился даже возвысить голосъ.

— Не прикажетъ ли, Ваша милость, устроить облаву

на четвероногихъ разбойниковъ? Если бы монсиньоръ согласился стать во главѣ нашихъ загощишковъ, то успѣхъ былъ бы обезпеченъ,—робко замѣтилъ онъ.

— Всемогущій Богъ! Взгляни на эти трусливыя мины, Тереза, и скажи по совѣсти, найдется ли среди нихъ хоть одинъ, способный безъ трепета отправиться ночью къ «Красной Висѣлицѣ»!—презрительно засмѣялся синьоръ Амольрикъ.—Держу пари, всѣ они подошли бы отъ страха по дорогѣ!

Дрожь ужаса охватила присутствовавшихъ; головы низко опустились, никто не отвѣчалъ.

— Ну! Что же вы приуныли, друзья?—не унимался капитанъ.—Мой кошелекъ и мое уваженіе храбрцу! Его вдова, если онъ погибнетъ, найдетъ у меня покровительство!

— Красная Висѣлица?—прошптала хозяйка крестьясь, но видъ она...

— Обитаема! Я это знаю, чортъ возьми! Вотъ уже скоро восемь дней, какъ мы тамъ вздернули эту проклятую Бальмскую колдунью, бѣсовское отродье, сглазившее все сенешальство обратившее не мало Сибобрскихъ пастуховъ въ дикихъ звѣрей. Въ это холодное время года старая вѣдьма должна долго сохраниться свѣжей!—продолжалъ насмѣшливо Амольрикъ.

— Господинъ капитанъ!—прозвенѣлъ вдругъ молодой голосъ, я отправлюсь къ Красной Висѣлицѣ.

* * *

Офицеръ подскочилъ на стулѣ и обернулся на говорившаго: передъ нимъ стоялъ юноша, почти ребенокъ, оборванный, плохо одѣтый, съ блѣднымъ лихорадочнымъ цвѣтомъ лица, на которомъ, какъ угли, горѣли черныя глаза, полныя безумной мысли и отваги.

— Откуда этотъ волчонокъ Тереза? Обычный посьтитель Люзерской таверны?

— Конечно, нѣтъ, монсиньоръ!

— Кто его господинъ?

— Неизвѣстно.

— Никто изъ присутствующихъ не знаетъ его?

— Никто, монсиньоръ!—пролепетала Тереза, опускающая глаза подъ пристальнымъ взглядомъ юноши.— Онъ здѣсь первый вечеръ.

— Подойди сюда, плутъ! Откуда ты?

— Изъ Монтаньялскаго лѣса, капитанъ.

— А раньше?

— Изъ Люзерскаго ущелья.

— Дѣйствительно! Эти лохмотья лучшее доказательство бродячей жизни. Откуда ты взялъ видъ висѣльника, бандитъ? Ужъ не браконьеръ ли ты?

— У меня нѣтъ иного занятія, капитанъ!

Этотъ спокойный отвѣтъ поразилъ немногочисленное собраніе своей простотой; оцѣпенѣние овладѣло слушателями. Самъ синьоръ Амольрикъ былъ обезоруженъ такой безграничной смѣлостью.

— Чортъ возьми! проворчалъ онъ полусерьезно. Ты малый ловкій, какъ я вижу, и можешь мнѣ пригодиться. Мой папъ убитъ на войнѣ, и я охотно поручу тебѣ эту должность, если ты только пойдешь къ Красной Висѣлицѣ, бездѣльникъ!

— Я готовъ, капитанъ.

— Одинъ?

— Одинъ.

— Какъ я узнаю?

— Вашъ путь лежитъ мимо этого мѣста, я буду васъ ждать тамъ, монсиньоръ.

— Боюсь, что волки оставятъ лишь твой скелеть.

— Тогда одолжите мнѣ Вашъ мушкетъ; въ опасный моментъ выстрѣлъ отгонитъ ихъ.

— Какъ! тебѣ знакома эта игрушка?—и удивленный офицеръ протянулъ ему свой тяжелый мушкетъ.

Тонкая улыбка скользила по губамъ юноши. Въ рукахъ его оружіе оказалось, дѣйствительно, привыч-

Въ окопахъ на западномъ фронтѣ.

«За мной!»

ной вещью. Синьоръ Амольрикъ не могъ скрыть своего восхищенія.

— Держу пари! Первымъ же выстрѣломъ ты долженъ убивать самую быструю лань.

— Монсиньоръ! Двѣ дюжины козουλъ, убитыхъ мной въ вашихъ владѣнїяхъ, могли бы служить нагляднымъ доказательствомъ моей ловкости—невозмутимо подтвердилъ бродяга.

Присутствующіе въ ужасѣ переглянулись, пораженные дерзостью незнакомца. Злобная гримаса исказила черты сеньора Амольрика. Съ поднятымъ кулакомъ онъ кинулся къ оскорбителю, но тотъ продолжалъ неподвижно стоять на прежнемъ мѣстѣ. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на блѣдномъ лицѣ юности. Удивленный капитанъ остановился.

— Къ чему эти признанія, плутъ? Миѣ нравится твоя смѣлость. Вотъ мушкетъ. Жди меня тамъ. Если волки будутъ докучливы, влѣзь на перекладину висѣлицы; старуха составитъ тебѣ компанію. Предупреждаю, что она не очень-то болтлива!

При этихъ словахъ глаза незнакомца вспыхнули злымъ огнемъ, губы задрожали. Онъ схватилъ оружіе изъ рукъ капитана и, не промолвивъ ни слова, скрылся за дверью. Пораженный Амольрикъ молча смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Клянусь Геркулесомъ!—воскликнулъ онъ послѣ минутнаго размышленія,—вотъ это человѣкъ! Хорошій же урокъ далъ вамъ мальчишка, трусъ,—обратился сирьоръ къ кружку посѣтителей.

— Все это такъ — робко замѣтилъ одинъ изъ нихъ,—но господинъ капитанъ сдѣлалъ ошибку, отдавъ великолѣпный испанскій мушкетъ въ руки бродяги. Онъ можетъ больше не вернуться, монсиньоръ.

— Довольно — прогремѣлъ синьоръ Амольрикъ, внезапно понявъ свою оплошность,—молчать собака!

Онъ грозно поднялся изъ-за стола, наскоро допилъ остатки горячаго вина и, закутавшись въ плащъ, быстрыми шагами покинулъ комнату. Притихшіе крестьяне испуганными глазами провожали статную, крѣпкую фигуру капитана. Синьоръ Амольрикъ, вскрикнувъ въ сѣдло, скрылся въ морозной, ясной ночи.*

* * *

Блѣдные серебристые лучи полной луны таинственно освѣщали уродливые силуэты обледѣлыхъ придорожныхъ скалъ. Протяжный, заунывный вой голодныхъ хищниковъ, безпрестанно повторяемый эхомъ горъ, висѣлъ въ морозномъ воздухѣ, дрожалъ надъ обрывами. Страшные, леденящіе душу звуки плыли навстрѣчу ночи. Мрачныя ущелья смѣялись бездонными пропастями. Дорога крутая, извилистая, вела по краю обрыва. Араганъ, запуганный Терендельской волчицей, дико косился на темные выступы скалъ, на отдѣльныя группы кустовъ, испуганно шараясь въ сторону. Ежеминутная опасность грозила всаднику, но желѣзной рукой сдерживалъ онъ бѣшеные порывы гордаго животнаго.

Невеселыя думы роились въ головѣ капитана. Обезоруженный, онъ вѣхалъ навстрѣчу неизвѣстной судьбѣ, кляня свое легковѣріе, все безуміе своего поступка.

Пустынный пейзажъ, звѣздная безмолвная ночь, гулкій, рѣзкій звукъ копытъ Арагана, мчавшагося по каменистой горной дорогѣ, все это дало странное направленіе мыслямъ отважнаго всадника. Ему вспомнились подробности произвола, чинимаго имъ въ окрестностяхъ своихъ владѣній; вспомнились по-

Чтеніе письма въ траншеѣ.

слѣднія ужасныя слова Бальмской колдуньи, предсказавшей, что самъ онъ украситъ послѣднюю висѣлицу, воздвигнутую имъ по дорогѣ къ Феррьерскому замку... Невольная дрожь заставила его вздрогнуть. Нѣтъ! Соврала проклятая старуха — капитанъ королевской гвардіи, отпрыскъ знатнаго рода, храбрый рыцарь, одинокъ, взглядъ котораго наводилъ ужасъ на горцевъ, не погибнетъ такъ безмысленно. За глупое предсказаніе вѣдьма сама попала на Красную Висѣлицу.

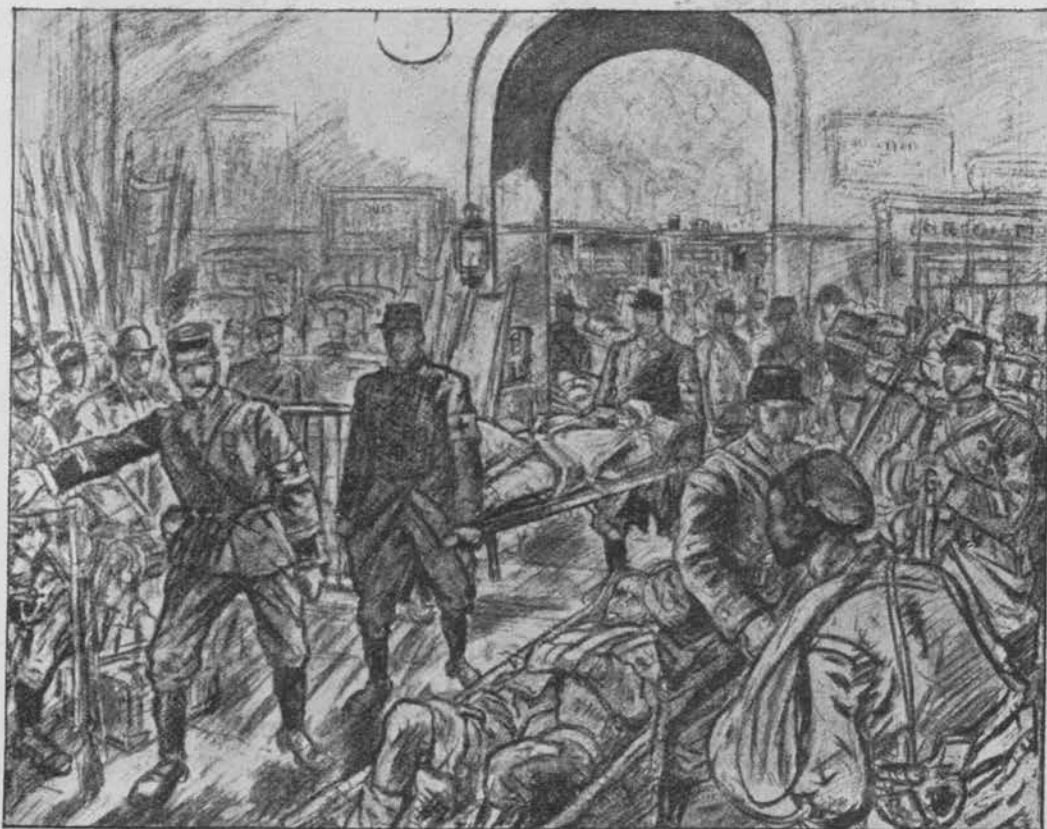
Еще поворотъ дороги, и капитанъ очутился у рокового мѣста. Люзерскій незнакомецъ, съ мушке-

томъ въ рукахъ, спокойно сидѣлъ на перекладинѣ висѣлицы. Сосѣдство повѣшенной старухи видимо не смущало его.

— Итакъ, ты живъ и невредимъ? воскликнулъ удивленный Амальрикъ. — А волки?

— Не тронули меня, монсеньоръ, возразилъ юноша, подходя медленно къ всаднику. Въ пути я пѣлъ и кричалъ во всю глотку, отбивая трещеткой тактъ по мушкету. Хищники издали слѣдовали за мной.

— Однако выстрѣлъ произвелъ бы большій эффектъ! —

Прибытіе раненыхъ нѣмцевъ (Вьерзонъ).

— Я не мог застрѣлить выбраннаго мной волка.

— Какого-же? Впрочемъ, объ этомъ послѣ. Къ полуночи я долженъ поспѣть въ Феррьерскій замокъ. Тебя я беру съ собой. Садись скорѣе за мной въ сѣдло и скачемъ! Если же ты встрѣтишь по дорогѣ своего волка, то можешь мѣткимъ выстрѣломъ убить его.

— Такъ пусть же онъ умретъ!—воскликнулъ новый пажъ Амольрика, почти въ упоръ дѣлаясь въ своего господина.

Сухой короткій выстрѣлъ прозвучалъ въ морозномъ воздухѣ. Пораженный въ самое сердце, всадникъ раскинувъ руки тяжело, упалъ въ снѣгъ.

Схвативъ подъ узды взвившагося на дыбы Арагана, убійца привязалъ его къ дереву, а самъ вскрабавшись по обмерзлымъ сучьямъ, достигъ висѣлицы и медленно отвязалъ веревку на шеѣ несчастной старухи.

— Бабушка! Твой внукъ отмстилъ за тебя—прошепталъ онъ дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Я знаю, твоя душа здѣсь, со мной, и я сегодня еще клялся Терезѣ, что до восхода солнца ты будешь удовлетворена. Миръ праху твоему, страдалица!

Моментъ, и трупъ старухи, скатываясь по камнямъ, полетѣлъ въ бездну.

Еще нѣсколько минутъ нечеловѣческихъ усилій, и на мѣстѣ Бальмской колдуньи, мѣрно покачиваясь, повисло тѣло грознаго капитана.

Стая волковъ, почувявъ кровь, съ ужаснымъ воемъ надвигалась къ проклятому мѣсту. Ар ганъ, обезумѣвъ отъ страха, билъ копытами, стараясь сорваться съ привязи. Нужно было спастись.

Окончивъ страшное дѣло и взглянувъ еще разъ съ ненавистью на свою жертву, убійца вскочилъ на коня и скрылся по направленію къ Люзьеру, увлекая за собой разсвирѣвшихъ хищниковъ—волковъ.

Переводъ съ французскаго Е. В.

Перевязка раненаго въ дорогѣ.

На основаніи закона 20 марта 1911 года перепечатка литературнаго и художественнаго матеріала настоящаго номера воспрещается.

ВЕРШОКЪ

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ художественной литературы и сатиры.

Выходить по вторникамъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе литераторы: Леонидъ Андреевъ, Сергѣй Луссендеръ, Анна Ахматова, Александръ Блокъ, Ю. Верховскій, В. Воиновъ, З. Н. Гипшусъ, Владимиръ Гординъ, Н. Гумилевъ, П. Гуревичъ, Л. Добронравовъ, О. Л. Доръ, Т. Ефимова, Вячеславъ Ивановъ, Рюрикъ Ивневъ, М. И. Исаевъ, М. Кузьминъ, Д. Крачковскій, Д. С. Мережковскій, О. Миртова, Д. Мусинъ, П. П. Потемкинъ, М. Пришвинъ, В. Пясть, А. Ремизовъ, Ю. Слезкинъ, П. С. Соловьева (Аллегро), Федоръ Сологубъ, Теффи, Н. Фалѣевъ (Чужь-Чуженинъ), А. Чеботаревская, К. И. Чуковскій, Ф. Щеколдинъ, Иер. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и др.

Художники: Н. Л. Аронсонъ, А. Е. Архиновъ, А. Ф. Афанасьевъ, Альбертъ Бенуа, Б. Бобровскій, Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, И. И. Бродскій, А. Е. Бѣлогрудъ, В. М. Быстрининъ, С. А. Виноградовъ, К. И. Горбатовъ, И. М. Грабовскій, К. Дыдышко, Е. А. Киселева, К. А. Коровинъ, М. И. Курилко, А. Б. Лаховскій, А. Линдеманъ, А. М. Любимовъ, А. Ф. Максимовъ, В. Масютинъ, А. А. Мурашко, И. Г. Мясоѣдовъ, И. П. Нахитоновъ, Л. О. Пастернакъ, А. А. Радаковъ, Н. К. Рерихъ, А. А. Рыловъ, И. Е. Рѣпинъ, Ю. И. Рѣпинъ, А. И. Савиновъ, А. В. Скалонъ, В. Д. Фалилѣевъ, Н. И. Фешинъ, И. А. Фоминъ, Н. В. Харитоновъ, Н. П. Химона, В. Я. Чемберсъ, Ф. И. Шаляпинъ, П. Д. Шмаровъ, А. Р. Эберлингъ, А. Эйсснеръ.

Подписная цѣна съ перес. за годъ—6 р.; за 1/2 г.—3 р.; за 3 м.—1 р. 75 к. и за 1 м.—75 к.

Цѣна номера въ отдѣльной продажѣ 15 коп.

Редакція—Петроградъ, Воскресенская наб., 26. Телефонъ № 410-98. Приемъ ежедневно отъ 3—5 ч. Контора—Шпалерная, 26, телеф. 18-68 открыта отъ 11 ч. у. до 6 ч. вечера.

Рукописи, присланныя безъ указанія условій, оцѣниваются по усмотрѣнію редакціи.

Редакторъ-Издатель Д. М. Гутцацъ.

Завѣдующій худож. отдѣломъ И. И. Бродскій.

Цѣна 15 коп.

На станціяхъ жел. дор. 20 коп.

